

# ВОСПРИЯТИЕ ПСИХОЛОГИИ ВОСПРИЯТИЯ (ИРОНИЧЕСКОЕ ЭССЕ)

А.И. СОСЛАНД\*

*В статье вводится в научный контекст ряд феноменов, связанных с восприятием психологов и психологии вне профессионального поля. Разбираются имплицитные концепции (мифы), которые стоят за высказываниями не-психологов по поводу разных психологических практик, а также статуса психологии, особенно психотерапии. Автор предлагает сделать эту сферу предметом эмпирических исследований.*

*Народ, он делится на ненарод и на народ  
в буквальном смысле.*

Д.А.Пригов

*В долинах глупости для философа произрастает  
больше травы, чем на голых вершинах ума.*

Л.Витгенштейн

(Культура и ценности, с.457)<sup>1</sup>

## 1. Граница коммуникации

Мне хотелось бы обсудить здесь целый ряд ситуаций, имевших место в моем, скажем так, непрофессиональном коммуникативном опыте. То, о чем пойдет речь, происходит за пределами пространства, где мы, психологи, психотерапевты, применяем наши знания и навыки. Тем не менее, к ним, знаниям и навыкам, все это имеет непосредственное отношение. Эти ситуации, так или иначе, связаны с *рецепцией профессионального статуса*, моего и моих коллег, в мире нашего житейского опыта. Переступив

---

\* *Сосланд Александр Иосифович* – канд. психол. наук, доцент фак-та ПК МГППУ, ст. науч. сотрудник ин-та «Русская антропологическая школа» при РГГУ.

<sup>1</sup> Перевод В.Руднева.

рамки психологического сообщества, мы сталкиваемся с весьма экстравагантной трактовкой различных аспектов психологии и психотерапии. Многие из моих коллег, без сомнения, могли бы поделиться аналогичным опытом. Не мне одному, разумеется, нередко приходится сталкиваться с тем, что специфика наших занятий вызывает необычную реакцию у непрофессионалов. Эти реакции зачастую банальны и поверхностны, порой просто смехотворны, но довольно часто серьезно раздражают. Тем не менее, они вполне могут представлять интерес для психологов, послужив материалом для небанального исследования и анализа.

Что и говорить, любая профессия накладывает определенный отпечаток на *жизненный коммуникативный процесс*. Было бы весьма интересно проследить, как воспринимаются непрофессионалами представители разных профессий. Наверняка есть свои интересные особенности рецепции у разведчиков и священников, адвокатов и бизнесменов. Особо проблемной областью является коммуникация за пределами профессионального поля для представителей публичных профессий.

Для нас ситуации, о которых пойдет речь, в первую очередь – пограничные вехи, расставленные на весьма своеобразной коммуникационной границе. Эта граница отделяет нас, профессионалов-психологов, от дилетантского (по отношению к нам) мира. Мы, в свою очередь, формируем дилетантское пространство по отношению ко многим другим профессиональным группам. Границы этих пространств прозрачны, непрочны и легко проницаемы. При этом нас ждут там многочисленные засады, о которых и пойдет речь ниже.

Своеобразие нашей позиции по отношению к непрофессионалам в том, что *психология, как никакая другая область специального знания, склонна проникать в значимые сферы экзистенциального опыта, подвергаясь при этом интенсивному мифологизаторскому редактированию*. Получается так, что наша профессиональная идентичность отчасти формируется в этих контактах, оказываясь на пересечении интенсивных потоков симпатии и агрессии, часто комически нелепых. Иррациональный характер этих ситуаций исключает, или, по меньшей мере, затрудняет возможность интеллектуального совладания с ними. За пределами нашего профессионального наши коммуникативные и полемические навыки не находят себе применения. Приходится сталкиваться с иной логикой, с тем, что называют *wishful thinking*. Часто мы замыкаемся в «башню из слоновой кости» и делаем вид, что смехотворность этих ситуаций недостойна нашего внимания. Безусловно, наше интеллектуальное высокомерие исполняет здесь функцию нарцисстической защиты. Можно, вспоминая известное место из М.Хайдеггера, сказать, что психология оказыва-

ется во власти толков (*das Gerede* – толки, сплетни, болтовня) (*Хайдеггер*, 1997). Однако тут вполне возможен вовсе не отвергающий жест, а наоборот, исследовательский ход, который нам представляется весьма продуктивным: от болтовни – к серьезному, от мнения (*doxa*) – к сущности (*ousia*). Попробуем его реализовать.

## 2. Среди друзей

В дружеском кругу чаще всего знают о роде наших занятий. Если нам везет, то нас оставляют в покое и не касаются нашей профессии, но, увы, порой допекают вопросами и сентенциями, которые ставят нас в смешное или неловкое положение. Ты становишься объектом специфического внимания. К тебе обращаются по любому поводу, желая знать, что ты думаешь об этом «как психолог». Хуже всего обстоит дело, когда у тебя настойчиво домогаются диагнозов. При этом речь идет как о так называемых «комплексах», так и о клинике. Вообще термин «комплекс» в бытовой речи получил крайне широкое хождение, обзавелся огромным семантическим полем. Из всего того, что перекочевало из психологического обихода в повседневный, он является, пожалуй, самым востребованным. Чаще всего данный термин употребляется в значении внутреннего препятствия, мешающего реализации неких действий.

### «Но ведь N. точно псих?!»

Запрос на психопатологическую экспертизу – вполне обычное дело. *Безумие – феномен, подверженный сильной мифотворческой деформации.* Разница между безумием как научным психиатрическим явлением и культурным феноменом очень велика. Желание определить наличие душевного заболевания – для носителя обыденного сознания (впрочем, отчасти и для профессионала тоже) может быть связано с разными персональными мотивациями.

Вытягивая из тебя диагнозы, твои друзья интересуются как общими знакомыми, так и публичными персонажами, а то и крупными историческими фигурами. Клинический диагноз подчеркнул бы их одиозность («...ведь Сталин и Гитлер – были ненормальными? Иначе, как они могли учинить такое!...»).

Связка «гений – безумие» отвечает всем критериям «интересности». Особая одаренность – свойство, востребованное в социальном пространстве, окруженное привилегиями, оказывается привязанным к болезни – категории, наделенной совершенно иными атрибутами. Seriously усиливают интерес к этой проблеме и научно верифицированные наблюдения, фиксирующие случаи совпадения одаренности и душевной болезни. В

силу этих причин тема «дар-болезнь» давно стала общим местом массовой культуры и обрела мощную медийную нишу<sup>2</sup>.

Кроме того, психопатологическая диагностика производителя культурных ценностей (литератора, художника, музыканта) – это способ позитивистского «снижения» его статуса, связанного с артистической исключительностью. Сам факт наличия у него «слишком человеческого» съедает статусную дистанцию.

Диагностика выполняет также особого рода «рессентиментную» функцию. Смысл ее в том, что «снижающий» диагноз выступает как своего рода дискурсивная агрессия, иллюкутивное уничтожение. Компенсаторный смысл такого хода очевиден: психиатр тоже всего лишь – «один из малых сих», ему тоже необходимо утешение в его малости, причем, здесь он может рассчитывать на сочувствие дилетантов. Часто достаточно констатировать или подтвердить сам факт наличия психического заболевания, без особых диагностических уточнений. Впрочем, бывают случаи, когда требуется более развернутая психиатрическая диагностика.

«Диагностические» вопросы задаются чаще всего по поводу деятелей искусства с репутацией «безумного гения», таких, например, как актер Иннокентий Смоктуновский (этот, якобы, заболел после работы над знаменитой ролью Гамлета в фильме Г.Козинцева), или кинорежиссеры Андрей Тарковский и Сергей Параджанов. Из ныне здравствующих интерес подобного рода чаще всего вызывают прозаик Владимир Сорокин и художник Олег Кулик.

Обычно, чтобы отбиться от этих разговоров, я настаиваю на том, что не следует, дескать, все «психиатризировать», существуют и другие интересные факторы, влияющие на творческую деятельность. Заочные клинические оценки, говорю я, неизбежно приводят к гипердиагностике, они неадекватны. Порой объясняю значение известного антипсихиатрического концепта: «диагностический оргазм». Иногда помогает...

### **«Помоги, ну, что тебе стоит?»**

Конечно, самая большая неприятность, которая может нас подстергать, так сказать, на отдыхе, – настойчивое желание кого-нибудь получить от нас консультацию немедленно. Нередко приходится сталкиваться с рассказами о душераздирающих жизненных обстоятельствах, кризисах

---

<sup>2</sup> Свидетельство тому – успех книги психиатра А.В.Шувалова «Безумные грани таланта», а также постоянный раздел на эту тему, который он ведет в журнале «Психология на каждый день». На существенно более высоком теоретическом уровне эти вопросы разбирает философ Вадим Руднев (см. МПЖ № 2, 2005г. и № 1, 2006г.).

и трагедиях. Конечно же, они предельно обострились специально к моменту твоей встречи с той, кто просит эту консультацию.

Тут рискуешь нарваться на обиду по поводу своего вполне естественного предложения отложить разговор по причине его неуместности и записаться на прием. Но надо быть жестким и твердым: малейшая слабость тут же используется коварными, склонными к манипуляции визави. Тебя могут обвинить и в черствости, и в жадности, и даже в пренебрежении профессиональным долгом. Однажды в подобном случае мне даже угрожали суровой расправой. Слава Богу, пока цел...

Порой бывает и так, что тебе навязывают клиента из дружески-родственного круга. Не всегда получается твердо отказать. В тех случаях, когда идешь навстречу подобным просьбам (разумеется, не здесь и сейчас), ты, конечно, потом тяжело отдуваешься под весьма пристрастной и, при этом, совсем не профессиональной супервизией. В расчет твои близкие принимают только результат, без учета тяжести исходного состояния. Как ты ни договариваешься о взаимном соблюдении врачебной тайны, риск ее разглашения здесь повышен именно с клиентской стороны. Клиентка, направленная к тебе из твоего дружеского или семейного круга, оказывается как бы на площадке всеобщего обозрения, и ее состояние, динамика терапевтического процесса становятся предметом обсуждения в среде близких тебе людей. Ответственность здесь усугубляется весьма специфическим образом, ибо значимые для тебя люди как бы формируют пристрастную комиссию по оценке твоих профессиональных качеств.

### **«Он видит нас насквозь!»**

Если уже ты привлек к себе внимание как к профессионалу, то любое твоё действие может быть соотнесено с твоим нелегким призванием. Если, например, ты рассеянно слушаешь собеседника, кивая головой, «угукая», через некоторое время тебя вполне могут спросить: «Это твоё ?угу? – профессиональная привычка?». Его тут же и поддержат: «Да он так с пациентами<sup>3</sup> себя ведет! Не делает никакой разницы между нами и ними!». Приписываемая нам психологическая искусственность, неистребимая профессиональная склонность к тотальной диагностике противопоставляется всеобщему беззаботному благодушию веселой компании. Ты выглядишь кем-то вроде психологического шпиона.

Часто мною слышанные инвективы можно суммировать примерно так: «Он же насквозь видит, чего мы хотим на самом деле. Будьте с ним осто-

---

<sup>3</sup> Общепринятое в профессиональном психологическом сообществе «клиент» в других местах пока не прижилось.

рожны. Вот мы просто сидим, говорим, а он смотрит на нас сквозь свои психологические очки, просвечивая нас на манер рентгена. Сперва думайте, друзья, а потом говорите, иначе этот тип выведет вас на чистую воду».

Свои возражения на явно несправедливые упреки можно уплотнить примерно в такую тираду: «Ах, ну что вы, мои дорогие! В быту мы всегда «отключаемся». Профессиональный навык уходит. В беседе мы ведем себя, как и все остальные, мы на равных. Никакой психологии, никого никак не оцениваем. Боже упаси!». Много усилий, порой, приходится тратить на то, чтобы выглядеть простодушным, наивным, жизнерадостным. Что делаешь, жизнь – это театр!

Тревога моих коммуникативных партнеров в какой-то степени связана с мифологией «ясновидения», которая издавна монтируется с психологическими практиками. Резюме этой мифологии примерно такое: «Психологу по специфике его профессии доступно проникновение в некие глубины. Независимо от ситуации, он – тот, кто постоянно анализирует и оценивает. По неявным признакам он легко обнаружит скрываемые человеком мотивы и намерения».

Немного найдется профессий, где можно перенести свой профессиональный опыт на повседневную коммуникацию, причем, в весьма интересной редакции. *Психолог может это сделать, потому что его наука – от начала и до конца «о жизни и отношениях»*, в то время как лингвисты, философы, бизнесмены, переводчики, врачи, инженеры и многие другие в значительной степени лишены таких привилегий. Их сферы знания и практики не предоставляют им таких возможностей, или, по меньшей мере, ограничивают их.

Как мне приходилось уже писать, негативное отношение к любому психологическому анализу связано с такой чертой психологической работы, как поиск скрытых детерминант психики. Это выглядит как *покушение на независимый, приватный, уникальный статус личности*. Психология, точнее, ее образ, как некоей специфической деятельности, выступает как реальное или возможное орудие манипулирования.

### **Мудрец и судия**

Образ психолога (видимо, в меньшей степени, чем философа) монтируется с образом «носителя мудрости». Порой оказываешься под градом вопросов, не имеющих отношения к психологии, а относящихся к сфере «мировоззрения» («мир ведь существует объективно или это только наше представление?»), идеям мировой справедливости («ведь каждому неизбежно воздается за дурные дела?»). *Принадлежность к психологическому цеху, безусловно, поднимает твое интеллектуальное реноме.*

Безусловное первенство, однако, принадлежит вопросам из сферы актуального оккультно-мистического контекста. Приписываемое мистическому пространству всемогущество отчасти переносится на психологию. Этот *миф* *омnipотентности увязывает психологическое с оккультным*. Чаще всего приходится (грубо ругаясь про себя) отвечать на вопросы; например о том, как я отношусь к гороскопам, телепатии, магии, ясновидению, телекинезу, летающим тарелкам и проч. У наших собеседников всегда наготове целый ряд авторитетных имен – Нострадамус, Вольф Мессинг, Ванга, Кашпировский, астролог Глоба, семья Рерихов и многие другие. Слава и победительный статус этих персонажей выглядит сильным доводом в устах наших оппонентов.

Самое смешное заключается в том, что порой приходится отдуваться за всю эту, с моей точки зрения, шайку шарлатанов, ибо как от них ни отрешивайся, все равно для множества дилетантов ты – один из них. Собеседники наши вооружены также концептуальной терминологией: чакры, карма, биоэнергетика, «считываемая из космоса информация», «прошлая жизнь», телепатия, метемпсихоз. Сила этих концептов – в том, что они находятся вне пространства научной рефлексии. Их критика с позиций «авторитета науки» приводит только к усилению позиции наших соперников в споре. Полемика здесь бессмысленна, но просто так уйти от этих разговоров удастся далеко не всегда. Ничего не поделаешь! Держись, коллега, изо всех сил, помощи ждать неоткуда!

Порой причастность к некоей особой сфере знания создает в глазах других авторитет, которого ты в данный момент совсем не ищешь. Повышается риск неожиданно попасть в положение третьей стороны по мелким житейским вопросам, например, в ситуациях банальных семейных споров («Я ему сказала..., а он мне ответил..., так объясните ему, в конце концов, что он неправ!»). Каждый ходит тобой под другого, как шахматной фигурой.

Психолога в узком значении этого слова, (тот, кто профессионально занимается психологией) сплошь и рядом принимают за психолога в широком, бытовом понимании (тот, кто хорошо разбирается в характерах и мотивах поведения)<sup>4</sup>.

Иногда тебя просят компетентно подтвердить рождающиеся прямо во время банкетного тоста скороспелые психологические сентенции и банальные свёрхобобщения. Ну, например, что-нибудь эдакое: «человек в своей сущности не меняется на протяжении веков». Или, наоборот: «се-

---

<sup>4</sup> Если честно, то знак равенства между этими значениями – довольно большая редкость.

годня люди уже совсем не те, что были раньше, много веков назад». Произнеся что-нибудь в этом роде, оратор, гордый своим интеллектуальным открытием, обращается ищущим взором в нашу сторону, дескать, пусть наука подтвердит. Что делать? Чаще всего утвердительно, солидно, веско киваешь<sup>5</sup>, давая добро от имени науки. Кивок выдаешь в любом случае – неважно, что именно сказано. Опоздать с кивком – значит затянуть тост, создать ощущение неловкости, нажать недоброжелателя. Намного хуже, если потом кто-то подсядет и начнет углублять тему: «Нет, скажите, психологи на самом деле считают, что люди меняются / не меняются?». Алкоголь порождает не только моторное возбуждение, он порой стимулирует философский аффект. Увы, многих тянет разобраться с идеями большого масштаба. Здесь, конечно, приходится изворачиваться: «Видите ли, с одной стороны..., зато с другой...». Отослать восвосяи – значит нарваться на еще более крупные неприятности. Лицемерие неизбежно.

Можно сказать, что психология вообще, психотерапия в частности, как некая сфера знания обладает в глазах дилетанта двоякой привлекательностью. *С одной стороны, ей присуща известная «народность»: она занята проблемами, находящимися в самом средоточии экзистенциальных смыслов человека. С другой, она обладает известным налетом мистериальности, имеет реноме элитарной практики, осуществляемой харизматическими персонажами, которые наделены некими особыми дарованиями, недоступными другим людям.*

### **3. Счастливая встреча**

#### **«Ах, я Ваша пациентка!»**

Порой приходится слышать такую фразу, когда тебя кому-то представляют, раскрывая при этом твою профессию: «Познакомьтесь, это мой друг, А.С., психотерапевт!» И пока ты думаешь про себя (порой и вслух): «Да чтоб тебе! Ведь сто раз говорил, не надо об этом!», ты уже можешь услышать такого рода восклицания.

Издав подобный возглас, интеллигентные барышни и дамы смотрят на тебя с надеждой и со значением. К счастью, в большинстве случаев их намерения не имеют никаких последствий. Здесь мы опять-таки оказываемся на перекрестке разных мифологий и, кроме того, в пространстве интересной интеракции.

Первая из этих мифологий – скажем так, «хорошее реноме нервно-сти». «Расшатанная нервная система», вообще «невроз» имеют репутацию

---

<sup>5</sup> В репертуаре наших профессиональных жестов – кивок, я думаю, один из самых ходовых.



признаков принадлежности к интеллектуальному, или артистическому, или божемному сообществу. Так называемая *нормальность* – удел банально-го, дюжинного, бездарного филистера, чуждого искусствам и наукам. «Нервическое» – это небанальное и даже в чем-то «возвышенное». Невротик – тонко чувствующее существо, неспособное адаптироваться в грубом мире, где царит засилье заурядности, где отношения между людьми «холодные и формальные». Привлекательность «нервического» имеет, разумеется, свои социальные и гендерные корреляты.

Что касается собственно душевных болезней, то их наличие влияет на реноме интеллектуала совершенно особым образом. Атриактивность «безумия» разобрана нами в других публикациях<sup>6</sup>. Исторически она связана с близостью образа душевнобольного к образу «блаженного», например, в культе юродивых, и темой близости «гениальности» и «помешательства».

*Болезненное, кроме того, – всегда повод для привилегий, ренты в идеале, повышенного сочувственного внимания, как минимум.* Известно, что истерический дискурс переполнен жалобами на нездоровье и большим уровнем манипуляции по их поводу. Если взять классическое определение К.Ясперса, согласно которому истерик – тот, кто делает вид, что чувствует больше, чем на самом деле, то следует дополнить – что и болеет больше, чем болен на самом деле.

Ну, и конечно, нельзя недооценивать рождающийся перенос. Репутация психотерапевтических отношений такова, что они воспринимаются как род отношений интимных, и этим уже определяется их востребованность. Когда мы слышим от наших будущих клиенток фразы, вроде «Я всю жизнь хотела встретить человека, который смог бы помочь мне понять себя!», мы должны, разумеется, иметь в виду и эту их мотивацию.

### **«Вы психолог? Не может быть!» – 1**

Есть, как минимум, два варианта «первой встречи». Первый вариант – это аффект радости. Примерно таков здесь набор речей: «Я искала всю жизнь встречи с кем-нибудь из вас. Только Вам я могу доверить свою историю...Вы, как психолог, меня поймете...». На лице – надежда и радость.

Все равно, какая бы радость ни была написана на лице, сперва пытаешься как-то окоротить. «Не знаю, смогу ли я помочь Вам. Я, видите ли,

---

<sup>6</sup> Сосланд А.И. Счастье от безумия // Русская антропологическая школа. Труды, вып.3. М.: РГГУ, 2005, 397 с., с.121-135.

не могу ничего твердо гарантировать...». Но, если наша сдержанность не производит должного впечатления и тетка продолжает лезть napром, прекращаешь разговор и переносишь его в терапевтический кабинет. Интеллигентно протягиваешь визитку, жестко меняешь тему разговора. Не всегда помогает.

Существенное, пускай циничное, соображение: избыток пафоса может положительно сказаться на сумме гонорара.

### **«Вы психолог? Не может быть!» – 2**

Второй вариант – разочарование: «А я представляла себе людей вашей профессии совсем другими!» Неловко стоим, не зная, куда деть себя, порой хочется даже извиниться. Принимаем смиренно-виноватую позу (руки по швам, глаза кротко опущены долу). Дескать, прошу прощения, что я такой, какой есть, а не такой, каким Вы хотели бы меня видеть. Вот она, нарцисстическая травма! Каковы же те ожидания, которым мы не соответствуем?

Конечно, дама находится под влиянием сформированных СМИ ходячих представлений о психотерапевте как о харизматическом супермене. В частности, это представление сложилось в телепроектах 90-х годов прошлого века, которые были посвящены телевизионным гипнотизерам. Встреча с реальным психотерапевтом – вполне обычной внешности, допустим, нескладным интеллигентом в очках или небрежно одетым толстяком<sup>7</sup>, ввергает наших собеседниц в состояние определенного когнитивного диссонанса, с соответствующими ему негативными эмоциями. Но здесь больше шансов, что тебя быстро оставят в покое, и не будут докучать нелепыми разговорами о психологии, а также просьбами о неотложной консультации. Нет худа без добра.

### **«Вы психолог? А я тут видела такой сон!»**

На этом редко кто останавливается. Тут же норовят все рассказать. «Нет, Вы послушайте, что я видела... Это просто невероятно!! Мне снилось, Вы не поверите, что я пришла сдавать экзамен и вдруг оказывается, что я ниже пояса совершенно голая. Ну, как Вам, правда, потрясающе? И что это значит? Нет, я не оставлю Вас в покое, не надейтесь! Сейчас Вы мне все расскажете! Так что же это значит? ... Как не знаете, Вы же должны это знать!! Это же Ваша специальность!...». Желание рассказать сон зачастую такое сильное, что приходится отбиваться с особой энергией, пару раз мне приходилось просто грубить. Спасибо Дедушке от благо-

---

<sup>7</sup> Примерно так вижу себя.

дарных внуков за «Толкование сновидений»! Что же, всякое великое открытие чревато большими бедами. Укрощение огня – пожарами, воздухоплавание – авиакатастрофами. Мы – не исключение...

Практики обхождения со сновидениями – это зона, где психотерапевт наиболее тесно соприкасается со своими собратьями-шарлатанами, ясновидящими и экстрасенсами, а также представителями некоторых психотерапевтических школ, располагающихся на грани научного и оккультно-мистического. *Сновидение для представителей всех этих практик – место размещения ценнейшего символического капитала. Оно обладает пророческим реноме и рассматривается как резервуар хранения неких истин, одновременно скрытых и явленных постороннему взору.* Кроме того, это повод для увлекательной интеллектуальной игры, разгадывания головоломки или ребуса. Аттрактивность разговора о сновидении как таковом весьма сильна. Соответственно, надежда, что к тебе перестанут приставать с нелепыми разговорами на эту тему, предельно слаба. Она умрет последней, и точно после нашей смерти.

**«Я понимаю, что перед психологом должна вся (полностью) раскрыться (раздеться)»**

Порой, эта весьма двусмысленная фраза идет вскоре вслед за возгласом «Ах, я Ваша пациентка!». Обычно она произносится с известной экзальтацией. Реконструкция соображений претендентки на «раздевание»<sup>8</sup> предельно проста: если я этого не сделаю, то от терапии не будет никакого прока. Опасно и тревожно допускать кого-то постороннего в свою внутреннюю жизнь, но ведь здесь это необходимо.

В жертву приносится приватная часть личности, происходит пересмотр личностных границ. Или можно сказать наоборот: эта самая приватная часть личности после долгих лет пребывания в замкнутом пространстве впервые получает возможность репрезентировать себя хоть перед кем-то. Так что мотивация к «раскрытию» здесь очень амбивалентна.

Надо иметь в виду и эту потребность, которую, так или иначе, предъявляют нам многие. Что чем мотивировано на самом деле? К психотерапевту обращаются, несмотря на необходимость «раскрыться»? Или мотивация «раскрыться» предшествует обращению к психотерапевту?

Интересно, чего же ради она все-таки придет? Если придет, конечно...

---

<sup>8</sup> Случаи, когда нам предлагают нарушить профессиональную деонтологию, мы здесь не рассматриваем, ввиду того, что это относится к собственно терапевтической работе и выходит за рамки темы нашей статьи.

**«Я бы пошел /не пошел /пошла /не пошла бы к тебе на прием...»**

Вот так они иногда говорят. Друзья, чаще всего... Звучит как провокация. Это интересно! И почему же ты не пошла бы?

Сама по себе терапевтическая ситуация выступает как «смутный объект желания», тающий в себе целый ряд соблазнов и опасностей. Возможность/невозможность посещения терапевта обретает почти игровой характер с движением между разными смыслами этой ситуации – от эротического к терапевтическому и обратно.

**«Теперь вы никогда не сможете у него проконсультироваться!»**

Очень забавное высказывание, связанное с моим профессиональным статусом, я услышал совсем недавно. Представляя меня своим друзьям за праздничным столом, моя старая приятельница высказалась примерно так: «Вот мой друг, он психотерапевт. Но теперь, после того, как вы с ним познакомились в дружеской обстановке, вы не можете записаться к нему на прием. Раз вы сидели с ним за одним столом, то теперь не сможете прийти к нему как клиенты».

Ничего не скажешь, она всем продемонстрировала свое знание тонкостей терапевтической деонтологии. При этом как-то заявила свое преимущественное на меня право, хотя сама ни раньше, ни позднее моими профессиональными возможностями не пыталась воспользоваться. Когда-то я ей объяснил, что терапевтические и дружеские отношения несовместимы. С другой стороны, терапевтические отношения выступали в ее рассказе как нечто очень желанное, редкое и ценное, что каждый хотел бы заполучить, но вот теперь ему это дело заказано. К счастью, никто среди присутствовавших ни сразу, ни потом не выказал ни малейшего намерения стать моим клиентом.

**«Ты обладаешь гипнозом?»**

Этот вопрос я получил, когда, походя, обронил в бытовой беседе, что сегодня я, дескать, провел пару гипнотических сеансов<sup>9</sup>. Я сидел за столом, в гостях, в ожидании супа, и заметил, как слегка задрожала тарелка в руках моего довольно пожилого родственника, который как раз готовил первую перемену обеда. «Как, – спросил он меня с выражением благоговейного ужаса на лице, – ты *обладаешь* гипнозом?». Как потом я ни пытался разрушить «народные» представления о гипнозе, все это разбива-

---

<sup>9</sup> Хочется уточнить, что этот эпизод относится ко времени моей профессиональной молодости – советских еще времен. Тогда всякое бывало, что сегодня выглядит забавно, и гипноз тоже.

лось о квазимистический ореол, сложившийся вокруг гипноза. Такие споры обычно лишены всякой логики.

«А Вольф Мессинг? Тоже шарлатан?!» – слышал я в ответ. К сожалению, просветрив работа в таких случаях зачастую оказывается неэффективной. Характерным здесь является именно представление том, что гипнозом «обладают», а не «проводят» его, например. Гипнотическое воздействие тесно связано с представлениями о харизматическом влиянии, чему мы посвятили небольшое исследование<sup>10</sup>. Недоумение моего собеседника было связано с резким несовпадением этих представлений и моего скромного образа. Этот образ был сформирован в родственно-жизнейском контексте и никак не соответствовал логике харизматического образа.

Привлекательность мистического дискурса существенно превосходит привлекательность рационального. Можно сколько угодно твердить о ханжеском квазимистицизме, но защитников психологического мракобесия все это только раззадорит. Помню, в той беседе я утверждал, что *гипноз – это терапия, где оба участника процесса прикидываются дураками. Одна сторона, гипнотизирующая, делает вид, что верит в действенность своей гипнотической силы, другая сторона, – гипнотизируемая, делает вид, что этой силе поддается*<sup>11</sup>.

Конечно, мои разъяснения тогда не помогли. Мой собеседник остался, что называется, «при своих». Я, конечно, тоже.

**«А расскажи нам, пожалуйста, что-нибудь из своей практики!»**

Психотерапия для многих непрофессионалов имеет репутацию дела, наполненного приключениями. Порой сталкиваешься с представлением о своей работе как весьма опасной, причем, угрозы идут со стороны клиентов. Широкое хождение имеют сюжеты о похотливых клиентках, пытающихся соблазнить терапевта, об опасных маньяках, которые, если что, и прирезать могут. Конечно, трудно противостоять искушению рассказать о своих терапевтических подвигах, украсив их легкой порцией выдумки. Но это многие из нас, как известно, делают далеко не только в кругу друзей, но и на страницах научной печати.

---

<sup>10</sup> Харизматическая личность в психотерапии // Московский психотерапевтический журнал, 1997, № 3, с.152-191.

<sup>11</sup> Речь идет, как уже было сказано, о стародавних совдеповских временах, когда в ходу был так называемый классический гипноз. К современному, преимущественно эриксоновскому, все это по большей части не имеет отношения.

#### 4. Чем психолог отличается от психоаналитика?

Конечно, Россия пока не входит в клуб, скажем так, высокоразвитых психотерапевтических держав. Это связано не в последнюю очередь с уровнем осведомленности населения в вопросах практической психологии. Мы каждый день сталкиваемся с непроходимой путаницей в определении статуса, особенностей работы и сферы ответственности психолога, психиатра, психотерапевта, психоаналитика.

Пару лет тому назад я принимал участие в радиопередаче, посвященной вопросам психотерапии (радио «Свобода», 19.08.05).

Вела передачу Татьяна Ткачук<sup>12</sup>. В беседе, кроме меня, принимали участие известные психологи Ольга Маховская и Борис Новодержкин. Текст самой беседы мы не приводим, нам интересны результаты опроса, проведенного журналистами радио «Свобода» на улицах Москвы. Какие же распространенные представления о пси-культуре они воспроизводят? Прислушаемся и немного прокомментируем.

– Психотерапевт – непосредственно заболевания нервной системы. Психоаналитик помогает человеку просто в себе разобраться, найти какие-то пути решения проблем, не прибегая к какому-то медикаментозному лечению и прочее. Надеюсь, что к психотерапевту мне обращаться не придется. Может быть – к психоаналитику. Да и то, ... лучше ни к кому не обращаться.

Итак, первое: то, что с ними происходит, это «заболевания нервной системы». Эти, восходящие к временам механицизма, идеи довольно часто приходится вымывать из наших клиентов, всерьез полагающих, что их беды коренятся в «болезнях нервов», и что вообще картина их болезни – результат поломки машины организма.

– *Терапевт – это врач, а психолог – это не врач, а... не знаю, как даже это определить, но психология – это совершенно другое, это не врачебная специальность. Психоаналитик – это не врач. Безусловно, к психологу.*

Увы, мы наблюдаем среди наших сограждан полное отсутствие информации о том, что психотерапевт есть отдельная специальность, что психоанализ – одна из разновидностей психотерапии.

– *Психолог – я думаю, это, скорее, больше научный работник. Психотерапевт – это врач. Так что, конечно, если у меня проблемы, я, скорее всего, обращусь к врачу.*

---

<sup>12</sup> Расшифровку радиопередачи мы заимствуем с персонального сайта Бориса Новодержкина [www.bori.ru/public/interview-50.htm](http://www.bori.ru/public/interview-50.htm).

Довольно редкий случай, когда психолога отождествляют с исследователем. По моему опыту, чаще всего психолога принимают именно за психотерапевта, репрезентация академического университетского психолога, занятого эмпирическими исследованиями, в общественном сознании находится на крайне низком уровне.

*– Так как мы оба доктора, то, естественно, мы знаем отличие ... психотерапевта от психолога. Один – психоаналитик – в какой-то степени как бы больше в сторону педагогики, другой – в сторону медицины. Поэтому если нам кажется, что мы больны, – наверное, к ... психотерапевту. А если это какая-то педагогическая будет проблема, тогда к психологу в первую очередь.*

Эта реплика особенно показательна для «народного» уровня компетентности. Если даже врачи совершенно не разбираются в раскладе психолог – психотерапевт – психоаналитик, то что мы можем требовать от «обычных граждан»? Печально все это.

*– Я бы ни к кому не обращался, потому что они все – «мозгоправы».*

Как я неоднократно писал, психология воспринимается как покушение на приватный статус личности, как возможная практика ущемления личной свободы. Как видим, некоторые непрофессионалы вполне разделяют это мнение.

*– Психотерапевт – это когда уже клиника, а психолог – это чисто ... ментальные проблемы. К психотерапевту – наверное, вряд ли. А к психологу – почему бы не пообщаться? Лишь бы недорого.*

Конечно, «психотерапевт» притягивает к себе намного больше клинических коннотаций, чем кто-либо другой. Многие также информированы насчет того, что услуги специалистов в этой области недешевы.

*– Все зависит от того, какая проблема у человека. Если человек где-то уже на грани, то тогда – к психотерапевту. А если у него какая-то проблема – не может подойти к девочке (или к мальчику), – тогда к психологу. А разница заключается в том, что психолог – это человек, который хорошо разбирается в людях и может помочь человеку в какой-то проблеме. А психотерапевт – это уже тот, который лечит.*

Психологу, к сожалению, опять отказано в праве заниматься психотерапией. Мы видим здесь также, что психолога как профессионала не отличают от психолога как «знатока людей».

*– Вообще, это все достаточно медицинские специальности, и отличий принципиальных, наверное, нет. А обратился бы я к друзьям, потому что я на их помощь рассчитывал бы больше, потому что они меня лучше знают.*

Опять-таки смешение различных видов близости: дружеской и терапевтической.

– Психолог – это более, наверное, гуманитарное образование, чем медицинское, я так понимаю. Психотерапевт – это врач, а психоаналитик – это уже что-то, наверное, после психолога, даже более гуманитарное. Думаю, что ни к кому, наверное. Может быть, потому что у нас не очень распространена эта практика. Скорее, к друзьям хорошим, или сама попытаюсь как-нибудь решить. Выход же есть, наверное, из любых ситуаций.

Ну, что же, все верно, согласно положениям Европейской психотерапевтической ассоциации, психотерапия – гуманитарная наука, хотя, конечно, это относится не только к психоанализу. Вообще, нетрудно заметить, что реноме психоанализа существенно превосходит таковое любой другой психотерапевтической школы.

– Ни к тому, ни к другому, скорее всего, а к опытному человеку, который жизнь прожил. У меня вот деду 92 года, и я его спрошу.

И это вполне разумно.

Видимо, больше комментариев здесь не требуется. Ясно, что уровень психологической просвещенности населения оставляет желать лучшего. Для солидной организации, которую можно было бы назвать «Психпросвет», работы здесь – непочатый край.

## 5. «Куст» и «клуб»

Здесь хотелось бы ввести в оборот один незамысловатый концепт: «кустом» я называю группу клиентов<sup>13</sup>, так или иначе знакомых друг с другом. Они, как это часто бывает, направляют ко мне своих коллег, подруг или родственниц, и в итоге, порой, получается так, что создается небольшое сообщество, где все друг друга знают, и все знают к кому кто когда ходил. Терапевт становится фактором, формирующим это малое сообщество. Обсуждение его работы, а особенно его личности становится главной темой, которая сплачивает это сообщество, впрочем, довольно хрупкое и нестойкое.

Эти обсуждения порой принимают коллективную форму, когда небольшие группы клиентов, нынешних и бывших, собираются, к примеру, в кафе и обсуждают своего терапевта. В этом случае «куст» превращается в «клуб». Как известно, такого рода сообщество существовало среди клиентов Жака Лакана в зрелый период его деятельности. Конечно, существование таких клубов не очень длительно, да и «заседания» в нем происходят не так уж и часто.

---

<sup>13</sup> В моей практике мужских «кустов» и «клубов» пока замечено не было.



Обсуждение качеств терапевта в этом клубе может быть довольно непринужденным. По рассказам одной моей клиентки, интеллигентные дамы среднего возраста, принадлежащие одной свободной профессии, запросто переходят от беседы о терапии, как таковой, на разговоры о мужских качествах терапевта, после чего также довольно легко – на перспективы нетерапевтических отношений с ним. Бывает, вспыхивают маленькие ссоры. Порой дамы кидают друг другу острые фразы вроде: «Да ты не за терапией к нему ходишь, тебе хочется с ним...!». В ответ слышат: «Можно подумать, что ты отказалась бы!». И так далее. Некоторых, мне рассказывали, приходится разнимать и успокаивать. До драк как таковых, впрочем, согласно тому же источнику, дело пока не доходило.

Трансфер, таким образом, естественно перетекает из пространства рабочего кабинета в ресторан, перераспределяется по кругу участников. Он создает своеобразную групповую динамику и претерпевает целый ряд интересных превращений. Терапевт уже не властен над его перемещениями.

Случалось, скажем, так, что собравшиеся в «клубе» актуальные клиентки своими рассказами о моей текущей работе с ними возбуждали ревность у «бывших» (в переносе все как в любви, не так ли?), и те заново, из чувства ревнивой досады, записывались на консультацию. Порой «актуальные» пытались манипулировать мной, ссылаясь на рассказы (реальные или придуманные – неизвестно, да и неважно) своих «одноклассниц», в таком примерно духе: «С ней Вы были более открыты (варианты: более дружелюбны, более откровенны, задушевные и т.д.), и поэтому она быстро пошла на поправку, а со мной Вы другой и поэтому все идет так туго, и никаких улучшений». Не надо, видимо, объяснять, что на такие манипуляции не следует реагировать никоим образом.

Иногда в «клубной» компании случайно оказывались посторонние особы, не имевшие в своей жизни никакого клиентского опыта. Они, естественно, не могли понять, о чем собственно речь, а главное – откуда такие эмоции. Не вкусившие, выразимся книжно, сладкой отравы психотерапии, они с недоумением наблюдали за игрой страстей, им неведомых. Порой они легкомысленно позволяли себе критиковать саму ситуацию, всячески пытаясь ее обесценить: «Девочки, о чем вы? Какая чепуха! Сходили и забудьте. Психотерапия – это, как маникюр, солярий, бассейн! Вы обсуждаете это, как главное дело в жизни. Давайте лучше поговорим о кино (театре, музыке...»).

Естественно, заряженная аффектом группа, заключив короткое перемирие, обрушивала на них весь свой заряд агрессии: «Ты просто ничего не понимаешь! Если бы ты ходила к нему, ты бы так не говорила! Дура! Если бы ты только знала, что ты потеряла в жизни!».

Не буду вдаваться в подробности, но, если случайно зайдешь в кафе, где заседает такой клуб, в этом нет ничего хорошего. Я имею в виду ситуацию, когда среди «одноклубниц» – твои актуальные клиентки. Совсем дурно, если ты при этом не один. Трансфер (*как известно, главный источник гонорара!*) оказывается под угрозой. No more comments...

## **6. Забота**

Не скрою, очень приятно, когда кто-то пытается войти в твое нелегкое положение. Сочувствуя твоему тяжкому труду, некоторые из твоих знакомых готовы проявить понимание и заботу, и это трудно переоценить.

### **«Работы прибавилось последнее время?»**

Вариант: «?Психов? за последнее время стало больше?». Разговор здесь неизбежно касается избитой темы «дурной современности». Часто сталкиваешься с представлениями о том, что раньше жили «по-другому», намного лучше. Мы имеем дело с тем, что Ричард Рорти применительно к философии М.Хайдеггера обозначал как *«ретро-утопическая ностальгия»*, то есть с тоской по идеализированному образу жизни былых времен. Так называемый прогресс порождает так называемый пассеизм, это неизбежно.

Эта тема густо нашпигована ходульными журналистскими штампами. Мол, наше время полно постоянных перемен, бешеных скоростей, утери человеческих связей, давления избыточной информации, всеобщей враждебности. Немудрено, что при таком раскладе психика страдает сильнее всего.

Интересно, что эти суждения резко противоречат другой стратегии банальной мифологии. Она противопоставляет российские традиции дружеских отношений, претендующие на особую близость, – западной взаимной холодной отчужденности. Эти дружеские отношения, мол, вполне заменяют терапевтические отношения: друг лучше терапевта. Не на Западе живем, слава Богу. Всегда, даже посреди ночи, можем запросто, без предварительного звонка, зайти к другу, «раздавить» бутылку водки (женский вариант – «хлопнуть» по бокалу мартины) и все обсудить.

### **«А ты, работая с ними, сам не свихнешься?»**

Опасения относительно контагиозности душевных болезней, к счастью, не так распространены, как прежде. Здесь, скорее, имеет место забота о душевном здоровье психолога. Дескать, работа с пациентами требует такой траты душевных сил, что запас их, с высокой степенью вероятности, может истощиться, и тогда неизбежно заболит сам терапевт.

Причем, речь здесь пойдет не о банальном «синдроме сгорания». Имеется в виду нечто такое, чем страдают сами клиенты. Сойдя с ума по причине своей тяжкой, наполненной тягостными эмоциями работы, психотерапевт уподобится тем, кого он сам до того пользовал, как в «Палате № 6» А.Чехова. Особое унижение будет заключаться в том, что он сам станет пациентом, и его начнут лечить. Известный кинематографический комический персонаж – сумасшедший психиатр вполне может быть встроен в эту народную мифологию. Врачу, излечися сам!

**«И как ты можешь пропускать через себя столько грязного белья?»**

Повторюсь, все-таки очень приятно, что хоть кто-то сочувствует. В представлении очень многих людей, *психотерапия – сплошное копание в «низменном»*. Гуманитарий – филолог, философ, историк – обращен в своей деятельности к сфере возвышенного или, по меньшей мере, делает вид, что это так. Естественнонаучная и инженерно-техническая интеллигенция тоже как-то находит благородные краски, чтобы украсить пейзаж своей деятельности. Только мы обречены быть интеллектуальными «золотарями» и ассенизаторами. Наше место – где-то между патологоанатомами и проктологами.

Ясное дело, полагают наши доброжелатели, все это не может не сказаться дурно на нашем душевном здоровье. Навешивая нам «на жилетку» свое «грязное белье», наши клиенты неизбежно должны этой грязью наследить и в нашей психике. Скорее всего, эти соображения связаны с представлениями о психоанализе, ориентированном на «низменное». И надо сказать, что именно здесь большого искажения нашей рабочей реальности мы не видим.

Порой я сталкиваюсь с проявлением подобной заботы и со стороны самих клиентов. Стереотипный вопрос здесь: «И как Вы можете держать такое ужасное в себе, причем в таких количествах?!». Порой я бодро отвечаю, дескать, ничего, живем, справляемся. Кроме того, тех, кто так трогательно о нас заботится, успокаивают рассказы об институте супервизии. Впрочем, конечно, лучше не успокаивать. Сочувствие, как известно, трансферу не помеха...

**«На тебя психи напали?»**

И еще одно проявление заботы. Многим наш довольно мирный труд представляется небезопасным делом. Порой слышишь, к примеру, такое: «Вот к тебе на прием ходят сумасшедшие, а тебе не страшно? Они же могут тебя убить! Они же не отвечают за себя! Как ты только не боишься?».

Мы имеем дело с имеющим широкое хождение представлением о том, что на прием к психотерапевтам ходят именно душевнобольные. В ответ на это обычно рассказываешь, что именно больных не так уж и много, в основном так называемые здоровые с проблемами, простые люди, такие же, как ты да я, опасности никакой. Представления о повышенной социальной опасности душевнобольных сильно преувеличены. Не последнюю роль в этом преувеличении играют кинематографические штампы. Ампула «маньяка» в многочисленных триллерах зачастую предполагает наличие душевной болезни, среди сюжетных персонажей присутствует и психиатр.

Чтобы успокоить своих добросердечных собеседников, иногда, по настроению, можно и приврать, рассказав, что в свое время сотрудники психиатрических клиник, как врачи, так и психологи, проходили спецподготовку по самообороне, так что, в случае чего, смогу за себя постоять. Но, честно говоря, я уже и сам не помню, когда так врал в последний раз. Лет двадцать, наверное, тому назад, или еще того больше...

## **7. Скепсис**

Увы, порой сталкиваешься не только с проявлениями заботы по поводу своего нелегкого призвания. Миф о психотерапииотяжелен еще и некоторыми соображениями, которые представляют ее как нечто, безусловно вредное, или, в лучшем случае, малоэффективное.

### **«Психотерапия убивает гениальность!»**

Впрочем, это обвинение относится еще в большей степени к клинической психиатрии. В обоснование этого тезиса его апологеты часто рассказывают душераздирающие истории. К примеру: жил да был некий высокоодаренный молодой человек. Он писал стихи (варианты: сочинял музыку, был шахматным гением), ну, и при этом слышал голоса. Голоса, натурально, подсказывали ему строки стихов, мелодии, шахматные ходы. Ни с кем не общался, целыми днями занимался своим делом. Позвали врача, голоса вылечили, но и талант пропал. Вариант: стали водить на психоанализ, и он стал нормальным, но скучным, банальным, «таким, как все».

Здесь, с одной стороны, воспроизводятся представления об исключительности артистического призвания. Они восходят к романтической концепции поэтического творчества<sup>14</sup>. Призвание художника, как водится,

---

<sup>14</sup> Эта концепция, заметим вскользь, все больше вымывается из мира современных художественных практик.

противопоставлено постылой, обывательской заурядности. С другой стороны, из интеллигентского сознания никуда не исчезла вполне позитивистская ломброзианская связка гениальности и безумия, о чем мы уже немного говорили выше. Можно сказать, что *в противопоставлении «психоанализа и поэзии» мы имеем дело со своеобразной смесью неоломброзианства и антипсихиатрии* в «народной» редакции.

Сопротивление психоаналитическому вмешательству в искусство, равно как и психоанализу самих художников, – тема, имеющая широкое хождение. Традиционные представления о «творчестве» как принадлежащем к пространству «возвышенного» находятся в явном противоречии с «заземляющим» духом психоаналитических концепций. Механизмы творческой работы в контексте этих представлений как бы покрыты завесой тайны, неясности, полутранса. Навести на них свет равносильно их уничтожению. Известны вполне серьезные и оттого почти комические опасения поэтов – потерять свой творческий дар в результате психоаналитического лечения (подобное можно встретить в биографиях А.Ахматовой и Р.М.Рильке).

#### **«Ну, и что ты можешь вылечить?»**

Вариант: «Ваш психоанализ (ваша психотерапия) не вылечил/а еще ни одного человека».

Вариант: «Душевные болезни не лечатся».

Вариант: «Все это только для здоровых!»

*В противовес мифологии, представляющей психотерапию как что-то, действующее разрушительно, многие смотрят на нее, напротив, – как на неэффективное и пустое занятие, от которого нет толку никому, разве что богатеющему на гонорарах психотерапевту.*

С этой «точки обзора» психотерапия выглядит чем-то очень неуловимым, ненадежным и в любом случае менее основательным, чем лекарственная терапия. Психотерапия зачастую репрезентирована как что-то такое, что лишено материальной основы, каковая может быть выражена в таблетке, микстуре или порошке. Эфемерная, «флюидная» ткань нашего дела для многих содержит в себе некие «возвышенные» коннотации и потому может привлекать или отталкивать соответствующе ориентированных потенциальных клиентов или «народных экспертов».

Приходилось – и не раз – сталкиваться с вполне серьезными, основательными людьми, убежденными в том, что все это «болтовня», несопоставимая по серьезности с хирургией, фармакотерапией. Эти практики обеспечены широко разработанным материальным опосредованием, что придает им солидный характер, и психотерапия, не использующая ни ле-

карства, ни скальпель, выглядит довольно ненадежным делом. Надо ли говорить, что подобные «скрывающие рассуждения» (по аналогии с фрейдскими «скрывающими»<sup>15</sup> воспоминаниями) – Deckerinnerungen) есть результат работы сопротивления.

Отдельный миф связан с теми, кто, собственно, ходит к психотерапевтам. А именно: богатые праздные люди, скучающие жены и подруги нуворишей или их искалеченные богатством и вседозволенностью дети. Это еще один довод в пользу бессмысленности психотерапии: ее потребляют те, кому она не нужна. Честно говоря, случаев престижного демонстративного потребления психотерапии (т.е. без серьезных показаний к ней) я в своей практике пока не видел.

### **Молчи, скрывайся и тай...**

И такое случается. Тебе предлагают анонимную консультацию, я бы сказал, просят побыть психологом-невидимкой. Это может звучать приблизительно так: «Я Вас прошу пронаблюдать за тем человеком и сказать, что Вы думаете о нем. Я готов Вам очень щедро заплатить. Погляди-те на него, поговорите с ним, потом скажите, какой бы Вы ему поставили диагноз». Или так: «Я, якобы, приглашу Вас к себе в гости (варианты: на обед в ресторан, на вернисаж в галерею и т.п.). Вы там проследите за одним из моих гостей и скажете мне, что Вы думаете относительно его психического состояния».

С одной стороны, мы имеем здесь дело с сильным вызовом нашей компетентности. Крайне интересно проверить себя в такой нетривиальной ситуации, пережить незаурядное интеллектуальное приключение. Но, с точки зрения профессиональной этики, выполнять такого рода заказы никак нельзя.

И что прикажете тут делать? Конечно, отказываться! О себе скажу, что из множества предложений подобного рода я ответил согласием только в паре случаев. Решающим доводом была определенная социальная опасность, исходившая от тех, кого надо было анонимно обследовать. В обоих случаях мои заключения не сыграли никакой существенной роли ни в их судьбе, ни в судьбе заказчика такой консультации.

### **8. «Ты этого хотел!»**

Что и говорить, тяжела наша жизнь в работе с клиентами. Слезы и трагедии, соблазны и манипуляции! Но что еще хуже – соберешься от-

---

<sup>15</sup> Традиционный перевод этого термина – «покрывающие воспоминания» уж очень режет ухо.

дохнуть, беззаботно провести время среди друзей, в приятном застолье, и на тебе – отдыха никакого, ибо ты все время призван к ответу как профессионал.

Всеми этими неприятностями мы обязаны, разумеется, околонучной мифологии, житейским представлениям о некоем особом роде «ясновидения» и мощи психологического воздействия, а также тех, кто всем этим занимается. Мы становимся заложниками всех этих представлений. *Не замечать их или не рефлексировать по этому поводу – значит оставить без внимания огромный пласт нашей профессиональной жизни. Собственно, задача этого текста – привлечь внимание коллег именно к этому пласту.*

Но жаловаться на судьбу здесь было бы лицемерием. Правда заключается в том, что *эта мифология оказала существенное влияние на выбор нами нашей профессии.* Не следует сетовать на ограниченность или даже «скудоумие» дилетантов, которое, порой, вызывает у нас чувство досады и раздражения. Говоря словами мольеровского героя, «Ты этого хотел, Жорж Данден!». Выбирая занятие с такой репутацией в общественном сознании, ты, дорогой коллега, сам приготовил себе такое будущее. Житейские мифологии – это то, чем живут не только обыватели, но и профессионалы. Однако наши профессиональные мифы – тема для другой беседы.

На первый взгляд, может показаться, что все это – слишком тривиальный материал для рефлексии. На самом деле, *мифология, которая построена вокруг житейских представлений о пси-культуре<sup>16</sup>, очень поучительна. Она, несомненно, оказывает значительное влияние на нашу работу. В конечном счете, сообразуясь именно с ней, клиент принимает решение – стоит ли ему обращаться к психотерапевтам вообще.* Речь, таким образом, идет о том, что имеет важное отношение к судьбе нашей профессии. Само по себе все это говорит о нетривиальном образе нашей науки и практики в глазах дилетанта и может стать поводом для интересного обсуждения.

Итак, нашей задачей было *вести в оборот научной рефлексии новую предметную сферу.* Адекватным ходом для ее анализа оказался, как нам показалось, анализ мифологий, которыми она оперирует. Видимо, здесь возможны и иные аналитические стратегии. Отметим, что все время приходилось сбиваться на несерьезный тон. Комичность ситуаций, описанных здесь, привела к тому, что жанр, в котором это все описано, весьма

---

<sup>16</sup> В этой публикации мы пытаемся развить некоторые идеи из нашей работы «О психологократии», МПЖ, № 1 (52), 2007, с.192-193.

неоднозначен: смесь «очерка нравов», научной статьи и фельетона. Конечно, в рамках строго научного дискурса, для большинства историй, о которых шла речь, не нашлось бы места.

Но с каким сарказмом мы не относились бы ко всем этим обстоятельствам, перед нами большое поле для исследований. Оно ждет адекватных себе анкет, опросников, тестов. В сущности, *перед нашим профессиональным сообществом стоит задача: создать зеркало, в которое мы могли бы посмотреть на себя со стороны. Посмотрев в него, мы, без сомнения, узнаем о себе много нового.*

**P.S.** Эта статья была почти завершена, когда на очередном банкете я попал в ситуацию, похожую на те, что обрисованы выше. Как это порой бывает, мой друг (предатель!) сходу раскрыл мою профессиональную принадлежность. Вдохновленная этим открытием, привлекательная интеллигентная дама, не чуждая экзальтации, перегибаясь через ресторанный столик<sup>17</sup>, принялась восторженно щебетать: «Я так восхищаюсь людьми вашей профессии, от вас требуется такая тонкость, такое умение читать в душах людей. Только гений может быть психологом! Боже мой, как Вам это только удастся!...» И так далее, в том же духе. За пару минут выдала на-гора почти все народные мифы, которые мы здесь разобрали. Но теперь я относился к этим речам как к объекту своего исследования, и раздражения почти не ощущалось. Я даже испытал по отношению к этой даме что-то вроде чувства благодарности за столь щедро расточаемый ею материал.

Искренне благодарю Марину Олеговну Циркову, которая любезно согласилась прочесть эту статью в рукописи и сделала ряд ценных замечаний, от которых текст сильно выиграл.

## ЛИТЕРАТУРА

Хайдеггер М. Бытие и время. Пер. с нем. М.: Ad Marginem, 1997, с.167-168.

---

<sup>17</sup> Если у читателя складывается впечатление, что автор этих правдивых строк ведет рассеянный образ жизни, много времени уделяет праздному и веселому времяпрепровождению, то это ложное впечатление.